

11. Чуева Э.В. Лексико-семантическая сочетаемость имен, называющих стихийные природные явления: Дис канд. филол. наук. – Казань, 1997.

12. Шепшинг Д.О. Мифы славянского язычества. – М., 1849.

**СЕМИОТИКА ИНОЯЗЫЧНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПАРАДИГМЕ
«МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ»: РОМАН Р. АМПУЭРО
«ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ»**

О.С. Чеснокова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198*

Роман современного чилийского писателя Роберто Ампуэро (р. 1953) «Последнее танго Сальвадора Альенде» (2012) посвящен трагическим событиям истории Чили – государственному перевороту 11 сентября 1973 г. и личности президента Альенде, осмысленным средствами художественного текста и исповедального дискурса двух основных рассказчиков: бывшего агента ЦРУ и друга юности Президента. В парадигме «медленного чтения» (Л.А. Новиков) в работе реконструируются семиотические коды произведения.

Ключевые слова: семиотика, художественный текст, Ампуэро, эстетический код, танго, чилийский национальный вариант испанского языка, южноамериканизм.

**FOREIGN LITERARY TEXT SEMIOTICS IN THE PARADIGM
OF “UNHURRIED READING”: ROBERTO AMPUERO’S
NOVEL “PRESIDENT ALLENDE’S LAST TANGO”**

O.S. Chesnokova

*Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

Contemporary Chilean writer R. Ampuero’s novel “President Allende’s Last Tango” (2012) is devoted to the tragic events of the Chilean history – 11,

September 1973 coup, and the personality of President Allende conveyed by the means of literary text and confidential discourse of two narrators: a former CIA agent and a lifelong friend of President Allende. Through the paradigm of “unhurried reading” (L.A. Novikov) the author defines main semiotic codes on this novel.

Key words: semiotics, literary text, Ampuero, aesthetic code, Chilean Spanish, South Americanism.

Понимание филологии как «науки медленного чтения» [3, с. 43] имеет непреходящее значение для воспитания у изучающих иностранный язык чувства сопричастности к художественной литературе стран изучаемого языка, особенно если речь идет о таком многомерном и сложном явлении, как современная латиноамериканская литература. Современные чилийские писатели оказались в стороне от активного использования традиций народно-мифологической культуры, сосредоточив основное внимание эстетики вербального искусства на средствах субъективного повествования и внутреннего монолога персонажей [4, с. 699]. Данная работа посвящена выведению возможных семиотических кодов романа современного чилийского писателя Роберто Ампуэро (р. 1953, Вальпараисо) *El último tango de Salvador Allende* «Последнее танго Сальвадора Альенде», вышедшего в 2012 г. в издательстве *Sudamericana* [6]; см. также: [5].

Роман имеет многолинейный сюжет и полифоническую структуру. Действие разворачивается спустя двадцать лет после военного переворота 1973 г. В романе два рассказчика: бывший сотрудник ЦРУ Дэвид Курц, и Руфино Каталбо, товарищ юности Сальвадора Альенде, с которым они вместе в Вальпараисо постигали уроки политической борьбы у анархиста Демарчи.

Повествование протекает, как правило, от первого лица: Курца или Руфино, т.е. идет в формате «я»-дискурса. Применяя терминологию теории дискурса, можно сказать, что тот тип дискурса, с которым мы имеем дело в тексте романа, это исповедальный дискурс, поскольку оба рассказчика предельно откровенны и порой даже безжалостны по отношению к себе и к описываемым событиям.

Руфино ведет дневник, куда записывает каждый свой день с Президентом, которому он бесконечно предан, свои размышления

о личности президента, его вкусах, предпочтениях, его противоречивых отношениях с женщинами, о своей непростой личной жизни и отношениях с женой, которая вызывает у него, скорее, благодарность, чем любовь, потому что продолжает он любить безвременно скончавшуюся первую жену, мать его единственного сына.

Исповедальный дискурс, открывающий повествование, – это дискурс бывшего агента ЦРУ Курца, который описывает последние минуты умирающей от рака единственной дочери – Виктории. В семидесятые годы под видом канадца, продавца фотооборудования, Курц работал в Чили. В Чили с ним были жена и дочь, которая училась на археолога, увлекалась индейскими культурами, много общалась с чилийскими сверстниками. Перед смертью дочь берет с отца слово, что он передаст часть её праха и находившийся у нее дневник её бывшему возлюбленному, чилийцу по имени *Héctor Aníbal*. Известие о том, что в юности, пришедшейся на годы перед военным переворотом, дочь, жившая в дальнейшем в казалось бы прочном браке с американцем, была страстно влюблена в чилийца, поражает Курца, и он отправляется *al país del fin del mundo* – ‘на край света’, чтобы выяснить факты из юности дочери, основываясь на дневнике, оставленном ею, и осмыслить свою собственную жизнь. Поиски бывшего возлюбленного дочери – это одна из сюжетных линий романа.

Филологический анализ текста позволяет выделить в нем несколько ведущих семиотических кодов.

Личность Президента Альенде.

Сальвадор Альенде Госсенс (Salvador Allende Gossens, 26 июня 1908 г., Вальпараисо, Чили – 11 сентября 1973 г., Президентский дворец Ла-Монедра, Сантьяго, Чили) – уникальная фигура в истории Латинской Америки. Президент верил в мирный путь к социализму, без диктатуры пролетариата, за что его называли «идеалистом» или «доверчивым гуманистом» [2].

11 сентября 1973 г. армия подняла мятеж. Президент Альенде намеренно отказался покинуть дворец Ла-Монедра, где он и погиб. На протяжении почти 40 лет существовали две версии гибели Президента: он был убит в перестрелке с пучистами, и – вторая версия – он совершил самоубийство, чтобы не сдать предателям живым. Эксгумация тела Альенде в 2011 г. подтвердила факт его

самоубийства [2]. Роман Ампуэро – это не биография Президента, это осмысление его личности средствами художественного дискурса, исповедального дискурса двух основных рассказчиков.

Достоверный исторический код (упоминание реальных событий чилийской истории накануне государственного переворота 11 сентября 1973 г. и реальных личностей).

Топонимический код (реальная чилийская топонимика: названия чилийских городов, рек, вулканов, городская топонимика, оттопонимические имена, напр.: *el río Mapocho*, улица *Pedro de Valdivia*, улица *Tomás Mogo*, город-порт *Valparaíso* и его оттопонимическое прилагательное, название жителей Вальпараисо: *porteño*; гора *Cerro Alegre* в Вальпараисо, оттопонимическое имя, называющее жителей столицы, – *santiaguinos*, пустыня *Atacama*, порт *Puerto de Talcahuano* и др.)

Код достоверного чилийского предметного мира в его бытовом, повседневном воплощении. В тексте упоминаются блюда чилийской кухни, например, виды хлеба *halulla*, *colisa*, блюдо *bandeja con locos* знаменитый чилийский коктейль *pisco sour*, чилийские реалии, например футбольный клуб *Orompello*. Латиноамериканизмы, южноамериканизмы и собственно чилинизмы текста также создают его чилийский лингвистический фон и эстетический колорит, напр.: латиноамериканизм *compinche* «друг», южноамериканизмы *achunchado* «покорный», *julepe* «страх», *auto* «автомобиль», *living* «гостинная»; чилинизмы *calichero* «рабочий на селитровых приисках», *tomio* – «правые», *pipeño* – чилийское неочищенное молодое вино из разных сортов винограда, *uslero* «скалка», *palta*, *pije*, *pituco* «франт», *tipicar* «предчувствовать, предвидеть», *cigado* «пьяный», *pololo* «парень, возлюбленный», *polola* «девушка», возлюбленная» и др [1; 7; 8].

Музыкальный код. Роман помещен в музыкальный контекст, насыщен фрагментами текстов музыкальных произведений, в первую очередь, танго, музыкальными аллюзиями и ассоциациями. Каждая глава сопровождается эпиграфом, многие из которых строки танго или строки хорошо известных песен на английском языке, что соответствует основному двухголосию романа. Прозвище Руфино, – *Качафас* – также связано с символикой танго. Качафас – значимое для южноамериканской культуры имя. Это прозвище хорошо известного в начале двадцатого века танцовщи-

ка танго, настоящее имя которого – *Ovidio José Bianquet*. Сам же южноамериканизм *sachafaz* означает «живчик», «весельчак», «плут» [9, с. 152].

Вот как объясняет Руфино лестность для него прозвища «Качафас»:

Él sabía que a mí desde joven me decían Cachafaz, por el gran bailarín argentino. A mí siempre me gustó el tango (293; числа в круглых скобках означают номера страниц; перевод на русский – наш. – О. Ч.). «Президент знал, что с юности меня называли Качафас, в честь знаменитого аргентинского танцовщика. Мне всегда нравилось танго».

Код оккультных сил, воплощенный, прежде всего, в образе чилийки Касандры, становящейся возлюбленной Курца, и помогающей ему в его нелегкой миссии разыскать девичью любовь дочери.

Код «жизнь-смерть-бессмертие», организующий и упорядочивающий повествование. Исторический фон этого семиотического кода – трагедия в истории страны, унесшая в результате путча 1973 г. жизни тысяч чилийцев. Много строк посвящено предчувствию смерти Альенде, напр.:

Dos veces le oí afirmar al Doctor en estos días que si le dan un golpe de Estado lo tendrán que sacar muerto de La Moneda, y al decir aquello simulaba tener una pistola en la mano y dispararse en la sien. – Basta solo un mínimo click –dijo-. Y san-se-acabó. Si hay golpe de Estado, me encontrarán en la Moneda. Me tendrán que sacar del palacio con las piernas por delante, en pijama de madera. Un presidente de Chile no se rinde, mierda (270). «Дважды я слышал, как Доктор в эти дни говорил, что его из Дворца Ла-Монедра вынесут только мертвым, и, говоря это, он изображал, что подносит к виску пистолет и стреляет. «Бах и все», – сказал он. «И всё конечно. Если будет государственный переворот, я буду в Ла-Монедра. Меня должны будут вытащить из дворца ногами вперед, в деревянной пижаме. Президент Чили не сдастся, черт возьми!»

Руфино погибает, защищая дворец Ла-Монедра. Аманда узнает его на фотографии погибших защитников Ла-Монеды, и только спустя много лет она получает подтвержденную анализом ДНК кость мужа из братской могилы в пустыне Атакама, которую она и хоронит (355).

Возлюбленным девичьей любви дочери Дэвида Курца Виктории оказался сын Руфино, Эктор Доменико Катальбо. «Анибаль» была его подпольная кличка. Как и многие чилийцы, он использовал другое имя по соображениям конспирации. Сам же Ампуэро, по существу, в художественно преломленной форме дает читателю различные модели судеб чилийцев в результате военного переворота.

Еще один значимый, на наш взгляд, семиотический код романа, это, как это ни парадоксально, **код диалога культур**, поскольку Курц предстает в романе как рациональный протестант-англосакс, дискурс которого на бытовом уровне сопровождается упоминанием американских реалий напр., ресторана *Red Lobster*, его любимого книжного магазина *Barnes & Noble*, знаменитых американских музыкантов, напр., Луи Армстронга. Но главное содержание диалога культур, которое бессознательно осуществляет Курц под влиянием пережитой трагедии – безвременной смерти дочери, это стремление понять чилийцев, у которых он в результате, практически просит прощения. Симптоматичные следующие рассуждения Курца о Чили:

Cuando uno sale definitivamente de un país cree que se desliga para siempre de él. Sin embargo, esto es imposible cuando de trata de Chile. Este país te atrapa, se aferra a ti, impide que tú te liberes de él y te persigue donde quiera que estés con sus crisis, tensiones y recuerdos. Más que un paisaje, Chile es un estado de ánimo (255).
«Когда человек окончательно покидает страну, он думает, что это навсегда. Но это не так, если речь идет о Чили. Эта страна тебя поглощает, овладевает тобой, не позволяет, чтобы ты освободился от неё, и преследует тебя, где бы ты ни находился, своими кризисами, своим напряжением и воспоминаниями. Гораздо более, чем пейзаж, Чили – это состояние души».

Данная работа, естественно, не исчерпывает возможности филологического прочтения и комментария этого художественного текста Ампуэро.

Но закончить её хочется словами из романа:

La muerte definitiva sobreviene cuando desapareces del vocabulario de los demás y ya nadie pronuncia tu nombre (320)
«Окончательная смерть наступает, когда ты исчезаешь из речи остальных людей и уже никто не произносит твое имя», тем самым

отдавая дань памяти чилийцам-жертвам военного переворота 1973 г, которых помнят миллионы людей и чему еще одно свидетельство вербального искусства – рассмотренный в работе роман.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка. – М.: ИНФРА-М, 2011
2. Косичев Л.А. Продолжение трагедии в семье Альенде – Латинская Америка, 2013, № 9.
3. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Русский язык, 1988.
4. Субичус Б.Ю. Литература Чили // Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – М., 2000.
5. Чеснокова О.С. Памяти жертв военного переворота в Чили: роман Роберто Ампуэро «Последнее танго Сальвадора Альенде» – Латинская Америка, 2014, №2.
6. Ampuero, Roberto. El último tango de Salvador Allende. – Chile, Sudamericana, 2012,
7. Molero, Antonio. El español de España y el español de América: Vocabulario comparado / Antonio Molero Editor. – Madrid: Ediciones SM, 2003.
8. Chilenismos // Dictionary and Phrasebook. By Daniel Johnson. – New York, Hippocrene Books, Inc., 2005.